

Все участники “круглого стола” отметили актуальность и крайнюю сложность затронутой на конференции проблематики, подчеркивая многогранность и внутреннюю противоречивость обсуждаемого феномена. Общим выводом из состоявшейся дискуссии стало мнение, что табу и табуирование как особое социальное явление, играющее большую роль в каждой культуре на любом из этапов ее развития, необходимо специально и целенаправленно изучать на междисциплинарной основе, что даст возможность рассмотреть его отдельные аспекты и механизмы функционирования в культурном сообществе, проанализировать его значимость для социализации личности, выявить его вклад в формирование личностной и коллективной идентичности, а также в сохранение культурной идентичности определенной социальной группы в диахронии.

Участники “круглого стола” пришли к единодушному мнению о необходимости продолжить исследование культурных табу, имея в перспективе выработку общей концепции, основывающейся на междисциплинарном, многоаспектном и комплексном анализе этого феномена.

О. Ю. Алейников

О “ЧЕВЕНГУРЕ”. ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Об актуальных проблемах научного восприятия и перспективах изучения романа “Чевенгур” шла речь на состоявшейся 21—24 сентября 2004 г. в ИМЛИ РАН VI международной конференции “Роман А. Платонова “Чевенгур”: контексты изучения и понимания”, посвященной 105-летию со дня рождения писателя.

Поставив в центр обсуждения “чевенгурскую” проблематику, организаторы конференции предложили путь, позволяющий через призму одного произведения посмотреть, насколько эффективны усилия исследователей, принадлежащих к разным академическим школам.

Воспользуемся этой возможностью. И заметим, что за последние 10—15 лет к истолкованию платоновских текстов обращались такие разные представители научного сообщества, как последователи историко-биографической, культурно-исторической, неомифологической школ, постмодернистского направления в литературоведении. Произведения А. Платонова привлекали знатоков пра-

вославия и культурологии, приверженцев “философского” прочтения художественного текста и любителей психоанализа, специалистов в области лингво- и мифопоэтики, сторонников структурно-типологической методики анализа.

Вопросы методологии научных изысканий составляли не акцентированный, но, безусловно, значимый сюжет конференции. Показательно, в частности, терминологическое и понятийное “разноязычие” в формулировках тем докладов, заявленных на утренние и вечерние пленарные заседания. Назову лишь некоторые из них: “Образная геоморфология романа «Чевенгур»” (Д. Замятин), “Темные места” романа: к проблеме комментирования платоновских текстов” (В. Вьюгин), “Сектанство и телесность в романе «Чевенгур»” (Г. Гюнтер), “Философско-религиозный контекст и подтекст «Чевенгура»” (С. Семенова), “1919 год в сознании героев и автора романа” (О. Алейников), “Легенды о Беловодье и “Чевенгур”” (А. Кулагина), “Эпитет “ветхий” в романе «Чевенгур»” (И. Спиридонова), “К вопросу об антропоморфности нарратора в романе «Чевенгур»” (Л. Шёквист), “Идея странничества в романе “Чевенгур” в свете эпохи культурной трансформации” (Лай Инцюань), “«Чевенгур»: поэтика примитива” (Т. Дронова), “О медленной пользе”: славянофильские акценты «Чевенгура»” (А. Дырдин), “О разрывах в хронотопе романа” (М. Михеев), “Роман “Чевенгур”, прочитанный глазами музыканта” (Н. Брагина), “О датировке и авантексте романа” (Н. Корниенко) и т. п.

Сопоставление в рамках одного симпозиума столь разных подходов позволяет преодолеть известную мифологичность представлений, воспринимаемых а priori в системе “самодостаточной” понятийной парадигмы. Так, “литературоведы-философы” склонны скептически воспринимать результаты анализа “имманентных структур” текста, формальные и функциональные “тезаурусы” платоновской прозы. У С. Семеновой, например, безусловные возражения вызвали статистические методы исследования, использованные в докладе и монографии М. Михеева, предложившего любопытный материал, к сожалению, не обобщенный системно. В ходе дискуссии отмечалось, что, увлекаясь такими прикладными задачами, как “расчет таблиц и процентов”, интерпретаторы творчества А. Платонова подчас оставляют за рамками исследований анализ “мировоззрения писателя” как серьезнейшей научной проблемы, разумеется, не сводимой к формализации художественных приемов. Однако изучение особенностей мировоззренческой эволюции без учета данных конкретной стилистики едва ли может быть реализовано с необходимой полнотой.

Как показала работа конференции, по-прежнему актуальной остается задача формирования “универсального” языка науки о литературе, признанного научным сообществом. Конечно же, важно совершенствовать и обновлять методический и терминологический инструментарий, адекватный исследуемому материалу. Но немало вопросов вызывают описания, оперирующие такими, например, категориями, как “образно-географическая транзитология”, “геократическое видение мира”. Не уводит ли нас в сторону от жанровой конкретики определение “Чевенгура” как “классического образно-метагеографического романа-транзитологии” (Д. Замятин)? Означает ли “теория метагеографии” “выход на новый методологический уровень”, как полагают ее адепты, не только в геополитике, географии, но и в литературоведении, имеющем, смеем надеяться, собственный предмет исследования?

Отдавая должное оригинальности, богатству и новизне географических впечатлений и ассоциаций, нельзя считать исчерпанными традиционные методологические подходы, апробированные приемы анализа.

Лучшее свидетельство тому — содержательные доклады, прозвучавшие на конференции. Специфике платоновского изображения, особенностям авторского понимания природы человека в условиях провозглашенного пути к новому социальному единству посвящены исследования Г. Гюнтера (Билефельд), Т. Никоновой (Воронеж), Р. Чандлера (Лондон), В. Звизняцковского (Киев), К. Баршта (С.-Петербург). Остановившись на существенной для героев Платонова проблеме “дихотомии тела и духа”, Г. Гюнтер устанавливает, как соотносятся “сектанство и телесность” в мире романа, чем обусловлено и к чему ведет “переключение сексуальной энергии на социальную деятельность”. Об онтологическом аспекте изображения, поведенческих моделях, реализованных в романе, размышляют Т. Никонова и Р. Чандлер. В. Звизняцкий находит похожие на игровые элементы в, казалось бы, сугубо драматических эпизодах романа, анализирует “инфантилизм и безотцовщину” как проблему национального менталитета. К. Баршт выясняет, существует ли зависимость между “вектором времени” и “человеком двустороннего действия” А. Платонова”, изучает отношения, возникающие между миром людей и равнодушной “тюрьмой-природой” (по мнению исследователя, в различных своих проявлениях последняя не имеет позитивной коннотации).

Фольклорные элементы в платоновском тексте изучают Хисако Кубо (Япония) и А. В. Кулагина (Москва). Хисако Кубо в

“анекдотичности и сказочности” усматривает поиск путей преодоления мифа. Тогда как А. Кулагина устанавливает в изображении Чевенгура черты фольклорного “города-обмана”, находя следы преемственности с легендами о покоренном “городе Казани”.

Ряд исследователей вновь обратились к анализу библейских мотивов, изучению особенностей их реализации в романе “Чевенгур”. М. Любушкина-Кох (Франция) сосредоточила свои усилия на изучении влияния старозаветной идиоматики на платоновский текст. “Смертные грехи Симона Сербинова”, в том числе гипотетически подсказанные развитием сюжетного действия, охарактеризовала М. Дмитриевская (Калиниград). Продолжил изучение образа “большого человека” в символическом контексте романа А. Лысов (Вильнюс).

На секции “Философские и литературные контексты романа” преимущественно были представлены доклады, посвященные интертекстуальной проблематике, изучению творческих параллелей и сближений. И. Кириллова (Волгоград) анализировала принципы организации художественного пространства и времени в творчестве А. П. Чехова и в романе “Чевенгур”. Выяснял специфику трактовок “нового человека” в творчестве А. Платонова и М. Зощенко исследователь Е. Дряхлов (Луга). И. Матвеева (Шуя) аргументированно сопоставила романы “Чевенгур” и “Поднятая целина”. Переключку между платоновским романом и повестями Л. Бородина прокомментировала В. Серафимова (Москва).

Интересно работала секция “Поэтика и текстология романа”, продолжившая обсуждение проблем, поставленных на пленарном заседании. Начатый Н. Полтавцевой (Москва) разговор о соотношении идеологии и утопии в “Чевенгуре” развил Ю. Пастушенко (Краснодар) в докладе “Реализованная метафора и нереализованная утопия”. Юн Юн Сун (Корея) выяснял особенности “диалогизации отношений автора, героя и читателя”, анализируя характер “двойничества в романе “Чевенгур”. Изучению “повторов сравнений” в тексте романа посвятил свое исследование Нонака Сусуму (Токио). “Центр” и “периферия”, их соотношение и особенности функционирования в структуре платоновского текста привлекли внимание С. Корниенко (Новосибирск), говорившей о сюжетном амплуа “второстепенных людей” романа. “Пространство “первоначального города” анализировала Н. Хрящева (Екатеринбург).

Очевидно, полноценное лингвистическое комментирование этого вершинного романа А. Платонова пока ждет своего часа. Большая совместная работа предполагает объединение усилий специали-

стов. Но, к сожалению, докладов о языковых особенностях романа “Чевенгур” на конференции было сравнительно немного. Е. Рябошлык (С.-Петербург) выступил с исследованием “Энергия Земли в атрибутивных суффиксах”. Языковые аспекты “семантики звука и запаха” в платоновском романе изучала Л. Некрасова (Москва). Вновь обратила внимание на эпитет “ветхий” в романе И. Спиридонова (Петрозаводск). Продолжил работу по изучению автобиографической ономастики романа Г. Ковалев (Воронеж), остановившись в докладе на спорных случаях интерпретации имени собственного, вынесенного в заглавие, которое, по мнению ученого, имеет вполне реальные, а отнюдь не мифологические источники.

Участники конференции не раз обращались к вопросам научного комментирования текста. Выход в свет подготовленного “платоновской группой” ИМЛИ первого тома Научного Собрания сочинений А. П. Платонова ставит эти вопросы в теоретическую и в практическую плоскости. Одной из насущнейших проблем современного прочтения Платонова является строгое разграничение задач интерпретации и комментирования. Характерно, что такой серьезный исследователь платоновского наследия, как В. Вьюгин (С.-Петербург), не чуждый текстологической практики, систематизируя “темные места” романа в связи с проблемой комментирования платоновских текстов, предлагает различные пути “концептуальной” интерпретации отдельных эпизодов романа. Но под “темными местами” в текстологии “принято называть чтения, неясные по содержательному смыслу”, возникающие в результате неверной подготовки (прочтения) или порчи текста. Надо ли использовать ту же терминологию, чтобы указать на сложность интерпретации отдельных эпизодов романа?

Впрочем, сама методика научного комментирования в последние годы становится дискуссионной темой. За последние 10—15 лет роман “Чевенгур” выдержал несколько переизданий. При этом данные мифопоэтики, сведения из биографии писателя нередко объединялись с литературно-критическими предположениями и наблюдениями.

Понятно, что “рассказ о событиях, обстоятельствах, конкретных лицах, упомянутых в тексте” — это “старый и добрый” реальный комментарий. Строгий учет источников, анализ истории создания текста — область усилий текстолога. У специалистов в области мифопоэтики, эстетики и поэтики художественного творчества иные задачи и цели. Все это, разумеется, общеизвестно, но, к сожалению, не всегда удается установить полноценный ди-

алог и разделение полномочий между так называемыми “интерпретаторами-концептуалистами” и “комментаторами-реалистами”; пределы компетентности, научные прерогативы все чаще и чаще размывает издательская практика.

У данной проблемы есть, понятно, и другая сторона. Не все исследователи имеют возможность работать с первоисточниками. Но вот, например, Н. Г. Корниенко (Воронеж) предпринимает попытку установить отдельные воронежские реалии в романе “Чевенгур”, привлекая данные топографии и краеведения. Этот путь заслуживает внимания. Не только закрытыми архивными материалами, рукописными источниками может прирастать наука о Платонове и его “самом воронежском романе”, но и разнообразными письменными свидетельствами эпохи. Таковыми, на наш взгляд, являются материалы периодики 1918—1919 гг., отразившие настроения писателя того же периода, а затем переосмысленные им во второй половине 1920-х гг.

В докладе Н. В. Корниенко (Москва) “О датировке и авантексте романа” предложена гипотеза о том, что творческие задачи, стоявшие перед А. Платоновым в период переработки “Строителей страны”, уточнялись в период создания повести “Ямская слобода”. Роман “Чевенгур” исследователь датирует 1928 г., приводя текстологические аргументы и косвенные историко-биографические свидетельства, подсказанные редакторской практикой Г. Литвин-Молотова и М. Горького.

Удачным дополнением к прозвучавшим докладам стали открытие в конференц-зале Института мировой литературы выставки работ воронежской художницы Натальи Коньшиной “Я рисую «Чевенгур»”, исполнение фрагментов из поэмы Георгия Свиридова “Отчалившая Русь”.

Конференцию отличала хорошая организация, доброжелательная дискуссионность, конструктивный обмен мнениями, наблюдениями и гипотезами. Наряду с достижениями науки об А. Платонове, в ходе обсуждения докладов очевиднее стали и методические просчеты, и недоработки последних лет. Поэтому нас не оставляет надежда, что выработанные рекомендации будут востребованы научным сообществом — редакторами, издателями, комментаторами платоновской прозы.